

Игорь Павлович Тетерин, модный и преуспевающий литератор, подошел к окну и задернул плотные синие шторы. В кабинете сразу стало уютнее.

Тетерин приоткрыл дверь в коридор и крикнул:

— Наденька! Я работаю. Пусть не мешают.

— Хорошо, — раздался женский голос. — Чаю тебе подать?

— Пожалуйста, и покрепче!

Он взял из рук жены термос и запер дверь на ключ.

Часы, когда Тетерин работал, считались священными. Тогда все в доме ходило на цыпочках, разговаривали шепотом, а телефон убирали на кухню. Никто не имел права тревожить его в это время. Исключение делалось только для красавицы колли. Тетерин любил, работая, ощущать на себе преданный взгляд собачьих глаз.

Он сел к столу и начал просматривать незаконченную главу. По мере того, как он читал, на его лице все явственней проступала брезгливая усмешка. Типичное не то. Литературщина. Скорюпись. Плоские диалоги. Нет, эту главу нужно писать совсем по-иному. Но как?

Тетерин вставил в машинку чистый лист и задумался. Хотелось чего-то свежего, своего,

разоблачиться, пригладил седые волосы и шаркнул ножкой.

— Простите, Игорь Павлович, — произнес он, слегка грассируя. — Прошу меня не судить строго за столь бесцеремонное вторжение, но я взял на себя смелость явиться к вам без предупреждения, так как дело мое не терпит отлагательств. Моя фамилия Лангбард. Лука Евсеевич Лангбард, в прошлом преподаватель химии, а ныне — пенсионер. Однажды я уже имел честь быть вам представленным.

Тетерин удивленно на него взглянул. Лука Евсеевич Лангбард. Имел честь быть представленным. Все под стать внешнему облику. Одет незнакомец был тщательно, даже изысканно, если исходить из представлений конца XIX века. На нем были полосатые брюки, черный двубортный сюртук тончайшего сукна, впрочем, несколько порывеший в швах, стоячий крахмальный воротничок и ботинки с замшевым верхом и множеством мелких пуговиц. В руке — кожаный саквояжик, столь же древний, как облачение его владельца.

Вдобавок ко всему в передней стоял какой-то удивительный запах не то старинных духов, не то ладана.

Впрочем, и экзотическая внешность гостя и особенно этот запах показали Тетерину удивительно знакомыми.

— Прошу! — сказал он, пропуская Лангбарда вперед.

менная цивилизация лишает нас истинных радостей жизни, что к чему все достижения материальной культуры, когда скоро уже будет нечем дышать, что если бы сюда посадить первобытного человека, он бы и часу не прожил, и так далее.

Тогда уже сильно подвыпивший Тетерин наперекор всему, что говорилось, заявил, что он никогда не променяет автомобиль на право бегать голым по лесу и что вообще еще неизвестно, чем там пахло в этих самых первобытных лесах. Может, даже похуже, чем у нас, в городе.

И тут поднялся этот старичок в сюртуке. Неизвестно, кто его привел. Весь вечер сидел молча, ковыряя вилкой в тарелке, а тут вдруг возвысил голос:

— Вы хотите знать, чем пахло в этих лесах? Пожалуйста! — Он вынул из кармана янтарный мундштук и поднес к свече.

И то ли потому, что запах горячей смолы так непохож был на все эти запахи вульгарной попойки, то ли потому, что люди почувствовали в нем невообразимую дистанцию в миллионы лет, но все как-то притихли и вскоре молча разошлись...

— Вспомнил! — сказал Тетерин. — Вы жгли у меня янтарь. И этот запах...

— Верно! — кивнул Лангбард. — Именно запах. Я нарочно к нему прибегаю, а то бы никогда не вспомнил. Итак, Игорь Павлович,

СТРАНА ФАНТАЗИЯ

Илья ВАРШАВСКИЙ

ДУША НАПРОКАТ

Рис. Э. Назарова

а на ум шла все та же пошлятина, многократно перелицованная и отуженная какими же кустарями, как он сам. Он иногда позволял себе роскошь быть вполне откровенным с собою. Конечно, он не гений, хотя критики единодушно признают у него литературное дарование. Но если разобраться, то на что это дарование расходуется? Десять книг. Среди них нет ни одной сколько-нибудь значительной. Бабочки-однодневки. Вечно не хватает времени. Всегда подпирают сроки сдачи рукописи. Хорошо было бы уехать куда-нибудь к черту на рога, подальше от всяких издательств и договоров. Лежа на травке, думать, думать, думать, пока мысли не станут ясными и прозрачными, как вода в горном ключе! Вот видишь, дорогой, — прервал он себя, — и тут не можешь обойтись без штампов. Вечно приходится думать чужими словами. А где же их взять, эти свои слова? — Он скомкал недописанную главу и в сердцах кинул в корзину.

Собака почувствовала, видимо, что хозяин не в духе, подошла и положила голову ему на колени.

— Вот так, Диана, — сказал он, поглаживая ее за ухом. — Все не легко дается, и эта квартира, и ковер, на котором ты спишь, и вкусные куриные косточки. За все нужно чем-то расплачиваться.

Он хотел сказать еще что-то очень значительное, но тут раздался стук в дверь.

— Ну что там такое?! — раздраженно спросил Тетерин. — Я же предупреждал, чтобы меня не беспокоили!

— Прости, Игорьек, — сказала жена. — Но тут к тебе пришли. Я говорила, что ты занят, а он...

— Одявол! — Тетерин направился в переднюю.

Непрошенный гость уже снимал пальто. Он обернулся на звук шагов, степенно закончил

Тут в дверях кабинета произошло событие, хотя и незначительное, но все же удивившее Тетерина. Диана, обычно равнодушная ко всем посторонним, бросилась навстречу Лангбарду и начала его обнюхивать, с каким-то самозабвением тычась носом в брюки и сюртук.

— Диана, на место! — прикрикнул Тетерин, но это не произвело на собаку никакого впечатления. — Я кому говорю, на место! — Он ее слегка шлепнул. Она еще несколько раз судорожно нюхнула, а затем, притворно зевнув, улеглась на ковер, все еще не спуская глаз с Лангбарда.

— Простите! — сказал Тетерин. — Она никогда себе таких вещей не позволяет. Просто не могу понять...

— Запах, — перебил Лангбард, усаживаясь в кресло. — Ничего удивительного нет, просто запах. Животные его любят. Итак, вы меня не помните. — Это звучало, как утверждение, а не вопрос.

— Минуточку... — Тетерин закрыл глаза ладонью. Ему хотелось вспомнить, где он видел эту нелепую фигуру в сюртуке, лицо с остреньким носиком, жидкие седые волосы и бескровные руки с длинными пальцами. Кроме того, запах... Он вдохнул слабый аромат ладана, и вдруг все удивительным образом прояснилось.

...Это был один из сумбурных вечеров у него дома, кажется, по поводу выхода какой-то книги. Много пили, обсуждали литературные сплетни, перемывали косточки отсутствующим, кого-то по привычке ругали, кого-то по традиции хвалили. К 12 часам ночи в столовой стало трудно дышать от запаха лука, пролитой водки, распаренных тел и табачного дыма. Открыли окно, но и это не помогло. Липкий туман, насыщенный бензиновыми парами, был не лучше. Тетерин зажег свечи, чтобы хоть как-то освежить прокуренный воздух. Начались обычные разговоры о том, что совре-

я пришел к вам по очень важному и надеюсь, интересному для нас обоим делу. К вам, потому что вы — писатель, к тому же достаточно известный.

Тетерин поклонился.

— Однако, — продолжал Лангбард, — писатель, откровенно говоря, талантом не блещущий.

— Такие вещи в глаза не говорят, — криво усмехнулся Тетерин. — Мой совет: остерегайтесь говорить женщине, что она некрасива, и автору, что он плохо пишет. Подобную откровенность никогда не прощают. Кроме того, и у некрасивой женщины всегда находятся поклонники, а у любого писателя — читатели. Я все же лщу себя надеждой, что ваше суждение, высказанное в столь категоричной форме, разделится не всеми. Далеко не всеми. — Он открыл ящик стола. — Вот одна из папок с читательскими письмами, из которых вы смогли бы заключить...

— Помилосердитесь! — поморщился Лангбард. — К чему вся эта амбиция? Вы же сами про себя знаете, что не гений, а что касается писем, то пишут их чаще всего дураки. Нет, уважаемый Игорь Павлович, нам с вами предстоит говорить о предмете тончайшем и неуловимом, который порой и мыслью трудно объять. Так давайте уж без ложной аффектации, а самолюбие на время спрячем в карман. Поверьте, так будет лучше.

— О чем же вы хотите со мной говорить?

— О душе.

— О моей душе?

— Вообще о душе, в более широком смысле, ну, а в частности — и о вашей.

Это становилось забавным.

— Вы мне предлагаете сделку? — спросил улыбаясь Тетерин.

— Отчасти так, — кивнул Лангбард. — Можете считать это сделкой.

Тетерин встал и прошелся по кабинету.

— Дорогой Лука?..

— Евсеевич.

— Так вот, дорогой Лука Евсеевич. Не скрою, что готов бы продать душу за тот самый талант, который вы во мне не усматриваете. Однако, к сожалению, этот товар нынче не котировается. Да и вам, извините, мало подходит роль Мефистофеля. Так что благодарю за остроумную шутку, и если у вас ко мне нет других дел, то...

— Сядьте! — спокойно сказал Лангбард. — Мне всегда трудно сосредоточиться, когда кто-нибудь мелькает перед глазами. Вы меня неправильно поняли. Я говорю о душе не в теологическом плане, а чисто литературном. Ведь вы как литератор занимаетесь именно этим предметом. Вас интересуют души ваших героев, не так ли?

— Я предпочитаю слово «характеры». Да, литературу не зря именуют человековедением. Но тут я вам могу открыть профессиональный секрет. Если вы, задумав писать роман, соберете коллекцию живых характеров, ну, скажем, людей, вам хорошо знакомых, то все, в один голос, будут говорить, что характеры примитивны, шаблонны, что таких людей на свете не бывает и все такое. Если же вы все высосете из пальца, то характеры объявят яркими, типичными и еще бог знает какими. Глупо, но такова специфика нашей работы.

— Закономерно! — Лангбард радостно потер руки. — Вполне закономерно! А ведь все дело в том, что истинный художник создает душу героя, а вы и вам подобные пробаваются характерами.

— Не вижу разницы, — сухо сказал Тетерин — Душа, характер, разве дело в терминах?

— Отнюдь! — возразил Лангбард. — Характер — это то, что проявляется в человеке повседневно, а душа... Кто знает, что творится в бездне этой самой души? Какие страсти, пороки и неиспользованные резервы скрываются за ложным фасадом так называемого характера? Почему человек напористый, рубаха-парень трусливо бежит с поля боя, а робкий, застенчивый меланхолик закрывает своим телом амбразуру дота? Где до этого в их характерах таились эти черты, проявляющиеся только в исключительных обстоятельствах? Характеры! Тогда уж проще прибегать к древнейшим определениям. Напишите, что мол Иван Петрович — сангвиник, а Петр Иванович — холерик. Глупее ничего не придумаешь! Ведь таким образом нельзя даже собаку классифицировать. Поверьте, что вот у этой вашей Дианы в душе больше неизведанного, чем у многих литературных героев. Ей наверняка свойственны и самопожертвование и лукавство, и ревность и многое другое, чего вы порой и в людях-то не видите.

Тетерин начал приходить в раздражение. Ему казалось, что Лангбард все время намеренно пытается его унижить.

— Боюсь, что мы с вами забираемся в дебри, из которых не выберемся, — сказал он. — Если у вас ко мне дело, прошу его изложить, а все эти разговоры, в общем-то, бессельны. Так можно, действительно, и до собачьей души договориться или, чего доброго, и до бессмертия душ.

— Конечно! — улыбнулся Лангбард. — Ведь я к этому и клоню. Разве, скажем, созданные гением Шекспира души Отелло, Гамлета, короля Лира, Шейлока не бессмертны? — Ну, это другое дело.

— Почему другое? Ведь для того, чтобы создать душу Гамлета, кстати, заметьте, что выражение «характер Гамлета» кажется совсем неуместным, так вот, для того, чтобы создать душу Гамлета, Шекспиру пришлось на время самому стать Гамлетом, заставить звучать в своей душе струны, которые, может быть, до этого молчали. Человек с душой Шейлока не смог бы написать Гамлета. И так — каждый раз. Полная перестройка. Удивительная гимнастика души. Так разве все, что создано Шекспиром, не представляет собой душу художника, раскрытую во всех ее возможностях? Вот вам и бессмертие души.

Тетерин демонстративно посмотрел на часы. — Все это — избитые истины, — сказал он, зевая. — К сожалению, Шекспир рождаются не каждый день, а нам, грешным, подобная перестройка не по силам.

— По силам! — убежденно произнес Лангбард. — Каждому по силам. Ведь в этом и заключается суть моего изобретения.

— Что?! — Тетерину показалось, что он ослышался. — Что вы сказали? Какого изобретения?

— Того, что у меня в чемодане.

— Нет, это уже просто становится невыносимым! — Тетерин сломал несколько спичек, прежде чем закурить. — Вы у меня уже отняли уйму времени, и вот, пожалуйста, сюрприз! Изобретатель-одиночка! Тут не патентное бюро. Предупреждаю, я в технике ничего не смыслю, и что бы вы мне ни рассказывали о вашем изобретении, все равно не пойму. Кроме того, я занят, у меня работа. Крайне сожалею, но...

— А вот курить придется бросить, — сказал Лангбард. — Запах табачного дыма будет мешать.

— Чему, черт побери, будет мешать?! — заорал взбешенный Тетерин. — Что вы тут мне еще мораль читаете?! Я сам знаю, что мне делать, а чего не делать!

— Нашему опыту будет мешать, — как ни в чем не бывало продолжал Лангбард. — Табак и алкоголь придется исключить.

— Уф! — Тетерин откинулся в кресле и вытер платком лоб.

— У вас тут чай? — спросил Лангбард, указывая на термос.

— Чай.

— Выпейте, это помогает.

Он подождал, пока Тетерин налил стакан чая.

— Так вот, Игорь Павлович. Хотите вы или не хотите, но выслушать меня вам придется, хотя бы потому, что вся ваша будущность как литератора поставлена на карту. Прикажете продолжать?

Тетерин устало махнул рукой.

— Вот мы с вами говорили о перестройке души писателя, вернее, об использовании ее скрытых резервов. Играть на тайных струнах души. Как это верно сказано! К сожалению, не каждому дано. Иногда нужны внешние факторы. Разве вы не замечали, что иногда какая-нибудь мелодия рождает в вашей душе дремавшие ранее чувства?

— Не знаю. Я вообще плохо воспринимаю музыку.

— Тем лучше! Значит, у вас это в большей степени, чем у людей музыкальных, компенсировано повышенным восприятием запахов.

— Ну и что?

— Дело в том, что запахи обладают тем же психологическим воздействием, что и музыка. Запахи способны вызывать грусть, радость, веселье, а в определенных сочетаниях и более сложные эмоции. Это было хорошо известно жрецам Древнего Египта. Они владел секретом благовоний религиозного экстаза, страха, жертвенного порыва и других. Я проанализировал душевный настрой основных литературных героев и составил смеси ароматических веществ, способных создать соответствующий комплекс эмоций. Вот, полюбуйтесь! — Лангбард открыл саквояжник и извлек оттуда несколько аптечных пузырьков. — Вот мы с вами говорили о Шекспире. Благоволите обратить внимание на этикетки. Король Лир, Гамлет, Отелло и другие. Пожалуйста, понюхайте и вы придете в душевное состояние одного из этих героев. Ловко?

— Чепуха! — сказал Тетерин. — Даже если бы это было так, в чем я, по правде сказать, сомневаюсь, то ведь все это уже сделано по фактам. Не стану же я заново писать «Отелло». А если бы и захотел, то мне пришлось бы нюхать то флакон с Яго, то с Дездемоной, то еще бог знает с кем. А если диалог? Что ж, нюхать все попеременно? Нет, ваша идея непрактична, да и не нова. Всегда находились люди, прибегавшие в процессе творчества к наркотикам, и кончалось это обычно плохо. Вот, например...

— Подождите! — перебил Лангбард. — Будем остерегаться поспешных суждений. Всякая идея проверяется практикой. Не так ли? — Допустим.

— Вот отрывок из вашей повести «На заре». — Он вынул из кармана несколько листов, написанных на машинке. — Вы помните, сцена объяснения Рубцова с женой. Там, где она говорит ему, что уходит к другому. Ситуация, прямо скажем, не блестящая новизной. Тетерин нахмурился.

— Вы все время пытаетесь меня уколоть. Ну, хорошо, я не гений. А известно ли вам, что вашего любимого Шекспира, после кото-

рого, как утверждают, не осталось ни одной неиспользованной темы, тоже упрекали в заимствовании чужих сюжетов. Что же подлаешь, если любовный треугольник во все времена был главенствующим конфликтом в литературе? Такова сама жизнь. А то, что не каждому удастся написать «Анну Каренину»...

— Вздор! — перебил Лангбард. — Тема, сюжет, все это — средства, а не цель. Я говорю не о том, что вы невольно использовали сюжет «Анны Карениной», а о том, что не смогли создать равноценную душу своей героине.

— Ну, не смог, и что?

— А то, что вам нужно было взять ее напрокат.

— И написать новую «Анну Каренину»?

— Ни в коем случае! Смотрите, что я сделал с вашей повестью. Я столкнул в этом конфликте две души, или, выражаясь вашим языком, два характера: Анны Карениной и Ивана Карамазова.

— Короче, создали гибрид Толстого с Достоевским?

— Нет, создал нового Тетерина. Ни Толстому, ни Достоевскому это было бы не под силу. Слишком разные они люди. А я взял вашу писанину, сначала привел себя в душевное состояние Анны, выправил часть текста, а затем проделал то же, но уже как Карамазов.

— Н-да... — сказал Тетерин. — С таким видом плагиата мне еще не приходилось сталкиваться. Вы или сумасшедший, или...

— Воздержитесь от суждений, пока не прочтете. Что же касается плагиата, то это — благороднейшая его разновидность. Во всяком случае, при этом вы создаете совершенно новое произведение, к тому же высокохудожественное.

— Интересно! — Тетерин взял рукопись и открыл ее на первой странице.

— Нет, нет! — вскричал Лангбард. — Прочтите наедине. Может быть, сначала трудно будет свыкнуться, придется читать несколько раз. Я все оставляю, и бутылочки и рукопись. Тут, в углу, записан мой телефон. Позвоните мне, и мы снова встретимся. А пока, — он встал и снова шаркнул ножкой, — желаю вам плодотворных раздумий!

Вначале Тетерину все это показалось галиматией. С каким-то зловонным удовольствием он подчеркивал красным карандашом стилистические огрехи. Однако по мере того, как он вчитывался в стремительно несущиеся фразы, лицо его становилось все более озабоченным. Оборванные монологи, многократно повторяющиеся слова, спотыкающаяся речь несли в себе удивительную силу чувств. Так писать мог только настоящий мастер. Вновь и вновь перелистывал он страницы и каждый раз обнаруживал что-то новое, ускользнувшее в предыдущем чтении. До чего же все это было непохоже на его собственную прилизанную прозу.

Весь вечер ходил он растерянный по комнате, не беря один из пузырьков с твердым намерением тотчас же испробовать действие этого дьявольского зелья, то в каком-то суеверном страхе ставя его опять на место.

Под конец, совершенно измученный, он лег спать в кабинете, решив оставить все на завтра.

Смерть Тетерина вызвала много неправдоподобных слухов. Говорили, он был найден утром на диване с перекушенным горлом. У изголовья лежала его любимая собака, обливавшая окровавленные лапы. Рядом с ней, на полу, в луже остро пахнущей жидкости, валялся треснувший пузырек с надписью: «ЛЕДИ МАКБЕТ».

... — Нет, нет! Такое и представить себе нельзя, так и с ума сойти недолго! — Как все нервные люди, Тетерин страдал гипертрофированным воображением — свойством, по его мнению, для писателя совершенно излишним.

Отправив пузырьки в мусоропровод, он помедлил немного, затем изорвал в клочки творение Лангбарда и отправил его туда же, почувствовав при этом удивительное облегчение.

Рождение нового Тетерина не состоялось. Что же касается его последней книги, то вышла она вовремя и, как всегда, была тепло встречена критикой.